

Т.А. Воротникова*

**БОЛИВИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ:
ВОЗМОЖНА ЛИ КОНСОЛИДАЦИЯ
«РАЗДЕЛЕННОГО ОБЩЕСТВА»?****

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Протестная волна, начавшаяся в 2019 г., захлестнула многие страны Латинской Америки. Не стало исключением и Многонациональное Государство Боливия, где резкая дестабилизация обстановки привела к серьезному внутривластному кризису. Данная статья направлена на изучение возможности преодоления конфликтного состояния в Боливии, рассматриваемого через призму концепции «разделенного общества». В первой части статьи проанализированы основные линии разлома внутри боливийского общества, связанные с этническими и культурно-цивилизационными различиями, экономическими диспропорциями, высоким уровнем социальной и политической поляризации. Показано, как путем сложного балансирования, уступок и компромиссов режиму Эво Моралеса удалось достичь внутреннего равновесия и поддерживать его в течение достаточно продолжительного времени. Во второй части рассмотрены причины, которые привели к резкому обострению ситуации и кризису в 2019 г. К ним автор относит политические просчеты правительства, выявившие общую неустойчивость политической системы страны и грозившие обернуться серьезной деформацией демократических институтов; смену моделей электорального поведения населения; постепенное возрастание роли вооруженных сил. Автор связывает возможности преодоления этих вызовов с расширением социальной политики в сочетании с принципами консоциализма, но подчеркивает, что консолидация боливийского общества потребует много времени.

Ключевые слова: Боливия, разделенное общество, протестная волна, Эво Моралес, политический режим, поляризация, консоциализм.

* *Воротникова Татьяна Александровна* — кандидат политических наук, ученый секретарь Института Латинской Америки РАН (e-mail: vorotnikovat@yandex.ru).

** Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-014-00042.

Латиноамериканская протестная волна 2019 г. — случайность или неизбежное следствие? В разных странах она имела свои причины и свои результаты как для национальных обществ, так и для политических систем. Самые радикальные изменения произошли в Многонациональном Государстве Боливия, где дестабилизация привела к крутому виражу политического развития. Цель автора статьи — оценить риски и изучить возможности преодоления конфликтного состояния в Боливии, рассматриваемого через призму концепции «разделенного общества».

В гуманитарных науках общества с высокой степенью поляризации между его сегментами, обладающими аскриптивными признаками (раса, национальность, религия, язык и др.), принято называть многосоставными, фрагментированными, неоднородными, глубоко разделенными и т.д. В данном случае эти термины выступают синонимами и в определенной мере могут быть взаимозаменяемы. Для таких обществ характерны конфликты между группами, у которых конкурирующие представления о своем государстве [Кудряшова, 2016]. При этом сразу несколько групп борются за власть, а их размежевание имеет ярко выраженный политический характер (более заметный, чем в тех случаях, когда подобные противоречия продиктованы иными причинами, например классовыми) и обусловлено исторически [Horowitz, 2014].

Наличие конфликтов и глубоких противоречий зачастую воспринимается как фактор нестабильности и препятствие для функционирования демократии. В противовес этому социальная однородность, народная сплоченность и идеологическое единство могут считаться залогом успешного государственного развития. Соответственно возникает резонный вопрос: возможно ли достижение стабильной демократии в «разделенном обществе» и насколько необходимым условием для этого является стремление к консолидации его сегментов?

Классическая для данной проблематики концепция «сообщественной (консоциативной) демократии» предлагает решение путем формирования коалиционного управления, которое базируется на сотрудничестве элит и компромиссных договоренностях между представителями различных групп [Лейпхарт, 1997]. Неотъемлемыми элементами такой системы должны стать право «вето» у меньшинства и высокая степень автономии каждого сегмента. Первостепенное значение также имеет принцип политического участия, основанный на пропорциональности избирательной системы и соразмерности, в том числе в распределении должностей, что в

условиях поляризации становится важнее, чем принципы правления большинства или наличия сильной оппозиции.

Интересным примером возможностей и пределов применимости этой теории может служить боливийский кейс [Larraín Landaeta, 2007]. При этом следует отметить, что сложный характер горизонтального взаимодействия в боливийском обществе можно рассматривать в позитивном ключе, принимая во внимание его созидательный и креативный потенциал на пути становления более эгалитарного и справедливого общества [García Linera, 2013]. Для реализации такого сценария установление элементов консociативной демократии играет ключевую роль, так как в противном случае отсутствие широкого общественного консенсуса и политической воли может привести к ослаблению демократических институтов [Montaño Nogales, 2011]. Данное исследование продолжает разработку концепции «разделенных обществ» применительно к современной социально-политической ситуации, сложившейся в Боливии накануне и после голосования 2019 г.

Коротко о цепочке событий, приведших к нынешнему кризису. 20 октября 2019 г. в Боливии прошли всеобщие выборы. Жители избирали главу государства на очередные пять лет и представителей в Многонациональную законодательную ассамблею — двухпалатный парламент. После драматического подведения итогов голосования было объявлено о победе Эво Моралеса Айма (2006–2019), набравшего 47% голосов избирателей и опередившего своего ближайшего соперника Карлоса Месу Хисберта чуть более чем на 10%¹ (согласно Конституции страны это необходимый минимум в случае, если ни один из кандидатов не набирает более 50%) [Ивановский, 2014]. Оппозиция заявила о возможной фальсификации и призвала своих сторонников бороться за проведение второго тура выборов. Наиболее радикально настроенные противники режима Э. Моралеса вышли на улицы с требованием отставки правительства. Протесты приняли непредсказуемый оборот, угрожавший внутренней безопасности по всей стране. Полицейские выступили на стороне протестующих, отказавшись усмирять демонстрантов. За ними последовали профсоюзы: с заявлением в поддержку проведения новых выборов

¹ Tribunal Supremo de Bolivia completa el 100% del conteo electoral: el resultado da a Evo Morales como ganado // CNN Español. 25.10.2019. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/10/25/tribunal-supremo-de-bolivia-completa-el-100-del-conteo-electoral/> (accessed: 01.11.2019).

и просьбой добровольно уйти с поста президента к Э. Моралесу обратилось руководство крупнейшего и очень влиятельного в стране Боливийского рабочего центра (Central Obrera Boliviana, COB). Точку поставили военные, также призвавшие главу государства сложить полномочия². 10 ноября Э. Моралес подал в отставку, после чего покинул страну. Высшее руководство Боливии, соратники президента — вице-президент, министры, депутаты, главы департаментов и городских администраций — один за другим уходили со своих должностей. Однако в свою очередь маршем на Ла-Пас выступили сторонники Э. Моралеса, требуя вернуть прежнее правительство. Страна оказалась во власти социальных волнений, невиданных с начала века. 14 лет политической стабильности и экономического роста сменились гражданскими протестами, насилием и вынужденным безвластием. Временное исполнение обязанностей главы государства приняла второй вице-спикер Сената оппозиционный политик Жанин Аньес, обещав провести новые демократические выборы³.

Линии разлома

Тем, кто достаточно внимательно следит за траекторией развития боливийской демократии, прошедшие события, возможно, не показались столь неожиданными. Причина тому — наличие константных противоречий внутри боливийского общества, не преодоленных в рамках тех форм демократии, которые страна испытала на себе за более чем тридцатилетний период (после падения режима военных диктатур и восстановления демократических процедур с 1982 г.). Некоторые из этих противоречий лежат на поверхности, другие же не столь очевидны, но имеют твердые основания.

Самый наглядный из внутренних конфликтов в стране — *этнический раскол*. Боливийское государство — сложнокультурное, многосоставное, мультиэтническое, оно имеет серьезное базовое отличие от ряда соседей по региону, где присутствуют коренные народы, которые отстаивают свое право на идентичность по отношению к национальному большинству (как, например, мапуче в Чили,

²Cronología de la crisis en Bolivia que desembocó en la renuncia de Evo Morales // Infobae. 10.11.2019. Available at: <https://www.infobae.com/america/2019/11/10/cronologia-de-la-tesis-politica-que-sacude-a-bolivia/> (accessed: 15.11.2019).

³Mathias C. The world upside down in Bolivia // Dissent. 18.11.2019. Available at: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/the-world-upside-down-in-bolivia (accessed: 20.01.2020).

мексиканские этносы полуострова Юкатан или индейские племена Бразилии). Боливийское большинство, напротив, составляют именно многочисленные индейские этносы и жители, имеющие индейские корни. Многие из них обладают самостоятельными политическими интересами, но при отсутствии единой политической позиции находятся в цивилизационном конфликте с носителями элитарной креольской культуры. Данное обстоятельство предопределило специфику борьбы за власть «Движения к социализму» Э. Моралеса (Movimiento al Socialismo, MAS) и траекторию его политического успеха.

Политический проект Э. Моралеса строился на «трех китах»: сильной экономике, единой партии и индейской идентичности. Последнюю обеспечивала мощная поддержка самых крупных из коренных народов Боливии — кечуа и даже в большей степени аймара (к которым принадлежит Э. Моралес), населяющих высокогорные регионы страны, в том числе Ла-Пас. Их культурно-ценностные маркеры на протяжении многих лет пребывания у власти MAS доминировали и в политической практике государства. К таким маркерам можно отнести установки на коммунитарность, ориентацию на общинные механизмы управления, возрождение исконных смыслов и символики, связанных с индейской культурой и историческим опытом сопротивления колониальному господству. Новая Конституция закрепила в качестве государственного индейский флаг Whipala, лидеры страны принимали участие в древних обрядах и церемониях, а имена героев прошлого присваивали значимым социальным проектам (например, программе по выплате денежных пособий) и первому боливийскому спутнику «Тупак-Катари», названному в честь лидера восстания индейцев против испанских колониальных властей в XVIII в.

За время нахождения MAS у власти были реализованы меры, направленные на устранение вековой расовой дискриминации и расширение партисипативных прав ранее исключенных из политики групп населения [Воротникова, 2019b]. Значительно увеличилось представительство коренных народов в структурах власти, в том числе в национальном парламенте, члены которого стали выступать на местных языках, а женщины-депутаты — носить традиционные пышные юбки — польеры, некогда презиравшиеся в метисном обществе.

Важная роль этнического фактора является отличительной особенностью боливийского «разделенного общества». Наличие фунда-

ментального водораздела между «двумя Боливиями» — индейской и белой (по выражению боливийского философа-индихениста⁴ Фаусто Рейнаги) [Makaran-Kubis, 2009] обусловило четкую политическую поляризацию. В массовом сознании закрепились стереотипные установки, что MAS — проиндейская партия, хотя ее реальная политика скорее отражала стремление к достижению некоего компромисса между индейской общиной и креольским либеральным обществом, а оппозиция заведомо воспринималась как олицетворение наиболее радикального варианта последнего. Отчасти этому способствовали и некоторые заявления оппозиционных политиков, в том числе Ж. Аньес, которые многие сочли расистскими⁵.

В осенние события вмешался еще один фактор, а именно *роль религии* в формировании политической идентичности. Противопоставление христианской церкви и исконных индейских верований в последнее время стало приобретать всё более ярко выраженное политическое значение. Библия стала символом оппозиционного протеста — Ж. Аньес принесла присягу, держа в руках том Священного Писания, который был торжественно помещен в президентском дворце. При этом подавляющее большинство боливийцев считают себя христианами, однако консервативный католицизм Ж. Аньес сигнализировал некоторым о возвращении господства европейского компонента в боливийской культуре. К. Меса в свою очередь предпочел разыгрывать «метисную» карту, апеллируя к той части общества, которая лишь отчасти имела индейские корни и предпочитала считать себя метисами.

Боливийские *запад* и *восток* культурно и исторически представляют собой два различных типа хозяйственного уклада. Частично эта линия разлома совпадает с этническим вопросом, но не ограничивается им. Речь идет об экономических диспропорциях, влекущих серьезные последствия идеологического характера. В западных горных регионах и на Альтиплано преобладают общинные устои, кооперативный тип собственности, а также мелкие частные

⁴ Индихенизм – направление в общественной мысли, философии, социологии, искусстве и литературе Латинской Америки, цели которого – осмысление места и роли индейского населения в обществе и государстве, защита культурных, языковых, политических и иных прав коренных народов региона.

⁵ Kurmanav A., Krauss C. Ethnic rifts in Bolivia burst into view with fall of Evo Morales // The New York Times. 15.11.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/11/15/world/americas/morales-bolivia-Indigenous-racism.html> (accessed: 20.11.2019).

землевладения — минифундии. Для востока, напротив, характерна ориентированность на крупные сельскохозяйственные угодья (в том числе для коренных народов равнин, организованных по принципу автономных территорий) и промышленные предприятия, в первую очередь по добыче углеводородов. Данное противоречие особенно наглядно проявилось во время острого конфликта 2007–2009 гг. между властью и оппозицией, мобилизовавшего граждан восточных департаментов против принятия новой Конституции и за автономию от высокогорного Ла-Паса. В целях консолидации (без гомогенизации) центральное правительство предложило особую экономическую модель, получившую название «андско-амазонский капитализм», которая сочетала элементы европейского капитализма и общинной экономики [García Linera, 2009]. Одним из механизмов реализации данной модели предполагалось развитие транспортной инфраструктуры, так как отсутствие дорожного сообщения долгое время оставалось непреодолимым препятствием, тормозившим экономический прогресс и внутреннюю интеграцию страны. Так или иначе, неравномерность в развитии регионов находилась в центре политических дебатов на протяжении всего правления MAS.

Еще одна линия разлома — *социально-экономическая поляризация*. Традиционное деление на бедных и богатых оставалось серьезным вызовом для страны, несмотря на бесспорные достижения правительства Э. Моралеса по сокращению гигантских показателей бедности и социальных диспропорций. Экономическое расслоение часто называют одной из главных причин протестной волны 2019 г., прокатившейся не только по Боливии, но и по другим странам Латинской Америки. Однако следует отметить, что по уровню неравенства Боливия, ранее находившаяся на последней строчке, в период с 2002 по 2018 г. поднялась на позиции выше среднего по региону. Индекс Джини упал с 0,612 до 0,438 — это лучше, чем в Чили, Бразилии, Колумбии и других государствах Латинской Америки, и ниже средних региональных значений. Тем не менее в вопросах бедности (показатель крайней бедности составлял 14,5%, бедности — 33%) страна по-прежнему заметно отставала почти от всех своих соседей, таких как Аргентина (3,6 и 24%), Бразилия (5,4 и 19%) и Чили (1,4 и 10%), однако еще хуже дела обстояли в Мексике, Гондурасе и Сальвадоре⁶.

⁶ Panomara Social de América Latina. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf (accessed: 12.01.2020).

Не менее важным индикатором нарастающей дестабилизации стал усиливавшийся *раскол между элитами*. Политический проект Э. Моралеса с самого начала был прицельно направлен на деконструкцию традиционной системы взаимодействия элит. Частично этого удалось достигнуть, но не в полной мере. Под тяжестью политического кризиса начала 2000-х годов рухнула выстроенная в неолиберальный период «пактовая» система передачи власти⁷. На смену многопартийности пришла моноструктура, центральное положение в которой заняла партия MAS, агрегировавшая крестьянские организации, индейские движения, шахтерские кооперативы и профсоюзы. В первую очередь было достигнуто доминирование в парламентском поле. В 2005 г. MAS получила абсолютное большинство в нижней палате, а в 2009 и 2014 гг. — две трети депутатских мест (88 из 130 кресел в нижней палате и соответственно 26 и 25 из 36 мест в Сенате) [Ивановский, 2014]. Деконструкции прежних паттернов и иерархий способствовали усиление социальной мобильности, увеличение партисипативности и повсеместное обновление кадров в структурах государственного аппарата [Щелчков, 2016b]. Тем не менее экономическое лидерство, а также доступ к высшему образованию и частным школам по-прежнему оставались прерогативой представителей старых элит. Разрозненность и неспособность противников режима выработать консолидированную позицию многие годы не давали возможности оформиться реальной альтернативе. Однако монополия MAS на власть раздражала правые политические силы.

Наращение противоречий между старой и новой элитами обнажило поляризацию общественного сознания, которую обобщенно можно представить как *столкновение двух парадигм* развития страны — неолиберальной и постнеолиберальной. Несмотря на признание социальных завоеваний режима, правоконсервативная часть общества не разделяла многих ценностных установок и стиля управления президента. Отрицание той парадигмы, в которой страна развивалась на протяжении 14 лет, в первую очередь отразилось на внешнеполитических действиях переходного правительства, предпринявшего ряд кардинальных шагов⁸, таких как выход из

⁷ С принятием «Пакта во имя демократии» в 1985 г. в Бolivии установилась «пактовая демократия» – политическая система, формально основанная на либерально-демократических принципах, при которой смена власти осуществлялась между тремя ведущими политическими партиями страны за счет временных союзов и коалиций.

⁸ Nagovitch P. Explainer: Presidential candidates in Bolivia's 2020 special elections // Americas Society. Council of the Americas. 06.02.2022. Available at: <https://www.as-coa>.

АЛБА⁹, сближение с Вашингтоном (восстановление после 11-летнего перерыва дипломатических отношений на уровне послов), высылка кубинских врачей, жесткая позиция по Венесуэле и признание ее самопровозглашенного и.о. президента Хуана Гуайдо.

Причины кризиса

Системные линии разлома сформировали специфику боливийского «разделенного общества», во многом определив направление протестного взрыва, который в совокупности элементов сложно разложить на составные части. Тем не менее постэлекторальный кризис 2019 г. имел свои ситуативные причины, среди которых можно обозначить следующие.

Политические решения. Дестабилизации предшествовал довольно сложный и неоднозначный политический контекст. Э. Моралес находился у власти с 2006 г.: он завоевал победу на выборах в 2005 г., а позднее, после принятия новой Конституции и в соответствии с ней, «обнулив» первый срок, был избран на пост главы государства еще дважды — в 2009 и 2014 гг. В феврале 2016 г. состоялся референдум по вопросу изменения статьи Основного закона, ограничивавшей пребывание у власти двумя пятилетними мандатами подряд. Теоретически положительный итог всенародного голосования давал бы возможность Э. Моралесу баллотироваться в четвертый раз, однако, несмотря на популярность президента и его курса, граждане Боливии высказались против внесения такой поправки [Centellas, 2018]. Тем не менее в 2017 г., проигнорировав волю большинства, Конституционный суд вынес решение в пользу Э. Моралеса¹⁰, сославшись на положение об избирательных правах Американской конвенции о правах человека, ратифицированной Боливией, где защищалось право каждого избирать и быть избранным. В январе 2019 г. впервые прошли праймериз, на которых были определены будущие кандидаты. От партии власти снова были выбраны Э. Моралес и его соратник и вице-президент Альваро Гарсиа Линера — выдающийся теоретик современного левого движения в Латинской

org/articles/explainer-presidential-candidates-bolivias-2020-special-elections (accessed: 03.03.2020).

⁹ Боливарианский альянс для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA).

¹⁰ El Tribunal Constitucional de Bolivia autorizó la repostulación presidencial de Evo Morales // Infobae. 28.11.2017. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2017/11/28/el-tribunal-constitucional-de-bolivia-autorizo-la-repostulacion-presidencial-de-evo-morales/> (accessed: 20.01.2020).

Америке. Однако процедурная коллизия поставила под сомнение легитимность власти и оказалась детонатором дальнейшего социально-политического противостояния.

Через несколько месяцев после отставки Э. Моралес назвал ошибочным свое решение выдвигаться на четвертый срок¹¹. В начале 2020 г. были объявлены новые кандидаты на посты президента и вице-президента страны. Ими стали соответственно Луис Арсе Катакора — модернизатор, автор боливийской экономической политики, занимавший пост министра экономики, и Давид Чокеуанка — популярный политик, бывший министр иностранных дел в правительстве Э. Моралеса, позже возглавлявший блок АЛБА и выступавший с радикально индихенистских позиций¹². Таким образом, MAS продемонстрировала намерение преодолеть разногласия и объединить своих сторонников благодаря балансу между различными течениями внутри партии.

Между тем от центра и правых за голоса противников режима Э. Моралеса боролись сразу несколько кандидатов. Оппозиция снова столкнулась со старой проблемой, связанной с неспособностью преодолеть внутренние разногласия и выдвинуть единого кандидата. Именно этой разобщенности Ж. Аньес намеревалась избежать, когда сначала (после вступления в должность в ноябре 2019 г.) обещала не баллотироваться на новых выборах, а позднее все же объявила о своем желании включиться в гонку, объединив в своей коалиции «Вместе» («Juntos») несколько политических сил¹³.

В это условное разделение на левых и правых не вполне вписывалась позиция К. Месы — политика умеренных взглядов, который в избирательном процессе 2019 г. воплощал идею противостояния режиму Э. Моралеса. К. Меса строил свою кампанию прежде всего на необходимости укрепления демократических институтов в стране и приоритетности антикоррупционных мер. Он настаивал на про-

¹¹ Evo Morales admite que ‘fue un error volver a presentarme’ para un cuarto mandato // Clarin Mundo. 17.01.2020. Available at: https://www.clarin.com/mundo/evo-morales-admite-error-volver-presentarme-cuarto-mandato_0_VpIe7Hxj.html (accessed: 18.01.2020).

¹² Evo Morales anunció que Luis Arce será el candidato a presidente del MAS en las nuevas elecciones de Bolivia // Infobae. 19.01.2020. Available at: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2020/01/19/evo-morales-anuncio-que-luis-arce-sera-el-candidato-a-presidente-del-mas-en-las-nuevas-elecciones-de-bolivia/> (accessed: 21.01.2020)

¹³ Jeanine Áñez, presidenta interina de Bolivia, anunció que competirá en las elecciones // Clarin Mundo. 24.01.2020. Available at: https://www.clarin.com/mundo/jeanine-anez-presidenta-interina-bolivia-anuncio-competira-elecciones_0_Jew17NeG.html (accessed: 25.01.2020).

ведении новых выборов и призывал своих сторонников оставаться на улицах с мирным протестом против официальных результатов голосования¹⁴.

Острая конкурентная борьба как на октябрьских выборах, так и в новой избирательной кампании, стартовавшей в 2020 г., свидетельствовала о наличии в Боливии разделенного электората. Политическая поляризация отодвинула в сторону дебаты по решению насущных проблем, в том числе в экономике, которая по сравнению с очень успешными предыдущими годами [Arauz et al., 2019] начала испытывать издержки от падения цен на сырьевые товары и сокращения объемов экспорта (что выразилось, в частности, в снижении темпов роста, ослаблении торгового баланса и др.)¹⁵, а задачи социального характера оказались второстепенными по отношению к вопросам культурно-цивилизационной идентичности.

Таким образом, правительство допустило деформацию в работе демократических институтов, что привело к слому процесса передачи власти и потенциально открыло путь к дальнейшей политической разбалансировке.

Неустойчивость политической системы. Как это ни парадоксально, но именно то, что обеспечивало долгие годы стабильность режима, таило в себе и залог его крушения.

Сразу после прихода к власти правительство MAS приступило к кардинальному переустройству государства, делая ставку на «обуздание» капитализма, отдавая приоритет государственному регулированию и социальной защите граждан. Следует, однако, уточнить, что, несмотря на название партии, построение социализма в его классическом понимании отодвигалось в далекое будущее [Воротникова, 2019a].

Для решения поставленной задачи требовалось найти общий язык с предпринимательским классом, оказывавшим серьезное сопротивление начинаниям правительства. Такой компромисс был достигнут за счет предоставления бизнесу гарантий защиты его интересов, в том числе в виде налоговых льгот и государственных инвестиций: напрямую, через государственные контракты, и косвенно — через улучшение общей инфраструктуры. Это позволило MAS усилить

¹⁴O'Boyle B. Bolivia is still stuck on Evo Morales // Americas Quarterly. 14.02.2020. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/bolivia-is-still-stuck-on-evo-morales/> (accessed: 20.02.2020).

¹⁵Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. Santiago de Chile: CEPAL, 2019. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/45000/BPE2019_Bolivia_es.pdf?sequence=120&isAllowed=y (accessed: 15.03.2020).

свою электоральную базу лояльным предпринимательским классом. В данной схеме правительство оставалось политически доминирующим, но вынуждено было признать свою экономическую уязвимость по отношению к структурной мощи бизнеса. В свою очередь экономически значимые бизнес-элиты, чьи традиционные политические союзники почти полностью утратили свои позиции, осознавали собственную уязвимость перед гегемонистской правящей партией. Формировавшийся альянс, основанный на ограниченном наборе общих целей, носил прагматический и тактический характер, но при отсутствии широкой политической и идеологической общности не обладал необходимой стратегической устойчивостью. Как отмечает немецкий исследователь Джонас Вольфф, сложилась ситуация, при которой «политический и макроэкономический успех постнеолиберальной программы правительства, а также ее противоречия и ограничения — две стороны одной медали» [Wolff, 2019: 119].

Относительное равновесие в отношениях между государством и бизнесом было нарушено результатами февральского референдума 2016 г., который стал первой реальной победой оппозиции, продемонстрировавшей попытку скоординированных действий под общим знаменем сопротивления электоральной и институциональной гегемонии MAS [Driscoll, 2017]. Большинство представителей бизнеса по-прежнему занимали осторожную позицию, предпочитая не выражать открыто свои политические предпочтения, но их симпатии оставались на стороне правоцентристских сил. Это доказала волна протестов против выдвижения кандидатуры Э. Моралеса на очередной президентский срок, нараставшая с 2018 г. Несмотря на то что Конфедерация частных предпринимателей Боливии (Confederación de Empresarios Privados de Bolivia) воздержалась от прямой поддержки этих выступлений, к призыву оппозиции открыто присоединились несколько важных организаций, в том числе Национальная торговая палата (Cámara Nacional de Comercio), Ассоциация производителей масличных культур и пшеницы (Asociación de Productores de Oleaginosas y Trigo), Сельскохозяйственная палата Востока (Cámara Agropecuaria del Oriente) [Wolff, 2019]. А уже в осенних событиях 2019 г. непримиримое сопротивление Э. Моралесу фактически возглавил Луис Камачо — лидер мощной организации «Гражданская платформа за Санта-Крус», отстаивающей интересы восточных департаментов.

Смена моделей электорального поведения. Политический триумф Э. Моралеса и его партии на выборах 2005 г., победу на референдуме 2008 г. и безоговорочное лидерство в двух последующих избира-

тельных кампаниях обеспечивала мощная коалиционная поддержка крестьянских синдикатов, индейских общин, профсоюзов, кооперативов, федераций кокалерос, женщин и других социальных и профессиональных групп и объединений. Но уже во время второго президентского срока в отношениях между правительством MAS и низовыми движениями и организациями начала возникать напряженность. Аккумуляция недовольства происходила в различных секторах боливийского общества — не только среди экономической элиты, настроенной против Э. Моралеса с самого начала, но также в городских средних слоях и в группе разочарованных бывших сторонников, в том числе представителей коренных народов, ожидания которых не оправдывала власть. В свою очередь рост благосостояния населения и закономерное появление нового среднего класса способствовали выдвиганию общественного запроса на политические изменения, артикулировавшего нетерпимость к коррупции во власти, ограничениям свободы средств массовой информации и отсутствию прозрачности системы государственного управления [Driscoll, 2017].

К наиболее серьезным вызовам для власти можно отнести выступления против повышения тарифов на топливо в 2010 г., беспорядки во время акции протеста шахтеров в 2016 г., а также резонансный конфликт с индейскими общинами, давший толчок широкой дискуссии о десарролистской и экоиндеанистской¹⁶ концепциях развития страны.

В 2011 г. правительство инициировало строительство автомагистрали, которая должна была связать западные районы с восточным департаментом Бени. Часть трассы по проекту проходила через национальный парк Исиборо Секуре (Territorio Indígena Parque Nacional Isiboro Sécure, TIPNIS) — территорию проживания коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. И если одна часть боливийского общества выступала в поддержку модернизационных проектов, то многие индейские и экологические движения восприняли этот шаг как предательство их интересов со стороны государства, гарантировавшего защиту Пачамамы — Матери-природы, что сильно сказалось на доверии к президенту [Lalander, 2015, 2017].

¹⁶ Теория десарролизма (от исп. «развитие») предусматривает модернизацию экономической и социальной структуры путем индустриализации, усиления государственно-капиталистического сектора, демократизации политической системы и других мер, направленных на обеспечение экономической независимости; в то время как экоиндеанизм подразумевает сохранение традиционных типов хозяйствования, поддержание экосистемы, поиск баланса и гармонии между человеком и природой.

Этническое голосование, когда волеизъявление избирателей продиктовано главным образом этнической принадлежностью, а не любыми другими (политическими, социальными или экономическими) критериями, на протяжении многих лет оставалось преобладающим в Боливии [Guzmán Prudencio, Rodríguez-López, 2018]. Однако этнический фактор начал утрачивать позиции на фоне усиления двух уравнивающих друг друга тенденций. С одной стороны, урбанизация и прогресс в социально-экономическом положении населения постепенно приводят к сокращению числа носителей местных языков и коренных этносов в целом. В частности, эту тенденцию подтвердили результаты переписи населения в Боливии 2012 г., согласно которым доля граждан, указавших принадлежность к тому или иному индейскому этносу, снизилась по сравнению с аналогичными данными 2001 г. с 62 до 42% [История Боливии с древнейших времен до начала XXI века, 2015]. С другой стороны, происходит консолидация движений коренных народов. Они оказывают всё более заметное влияние на формирование общественно-политической повестки, ставя в центр внимания индейскую идентичность.

В последние годы исследователи указывали на изменения в предпочтениях боливийских избирателей¹⁷, в частности на сокращение влияния правящей партии среди общин аймара. Эту тенденцию можно объяснить тем, что этнополитическая мобилизация в Боливии становилась всё более сложной и прежние механизмы завоевания симпатий населения переставали работать с былой эффективностью.

Новые формы неравенства, социально-экологический протест, неравномерная модернизация многонационального государства постепенно размывали политическую, экономическую, культурную и даже военную гегемонию государства и элит [Шинкаренко, 2019]. В стране, «где государство всегда было слабым, а общество — сильным» [История Боливии с древнейших времен до начала XXI века, 2015: 600], тенденция утраты (даже частичной) связи с низовыми структурами представляла потенциальную опасность для сохранения социально-политической стабильности и преемственности режима.

¹⁷ Centellas M. Evo Morales and the MAS's future // Global Americans. 2016. Available at: <https://theglobalamericans.org/2016/02/evo-morales-and-the-mass-future/> (accessed: 02.04.2020); Stefanoni P., Gigie S. La nueva derecha Andina // Anfibia. Universidad Nacional de San Martín. Available at: <http://revistaanfibia.com/cronica/la-nueva-derecha-andina/> (accessed: 02.04.2020).

Позиция вооруженных сил. Как и во многих латиноамериканских государствах, в политической истории Боливии армия всегда играла важную роль. В XX в. страна пережила сложный период сменявших друг друга военных диктатур, который начался с военного переворота во главе с генералом Рене Баррьентосом в 1964 г. и завершился демократическим переходом в 1982 г. В ходе последовавшего процесса восстановления демократии военные утратили свое политическое влияние и превратились в крайне непопулярную в народе силу, поскольку стали восприниматься прежде всего как часть репрессивного аппарата, задействованного в борьбе с наркоторговлей и насильственном уничтожении плантаций коки, что провоцировало многочисленные конфликты и столкновения с крестьянами.

Политический кризис начала 2000-х годов поставил перед тогдашним правительством MAS задачу обеспечить стабильность политических и социальных преобразований и найти необходимую опору и инструменты для проведения реформ. Такую опору Э. Моралес увидел в создании альянса с силовиками, который стал возможен благодаря сходству базовых принципов (сильное централизованное государство и этатистский характер экономики), сближавших индейско-крестьянскую идеологию MAS и консервативные установки военных, тесно связанных с неолиберальными и просевероамериканскими силами [Чернышов, 2020]. Общие представления о курсе развития страны обеспечили Э. Моралесу поддержку армии в преодолении переломного для режима момента во время первого президентского срока, грозившего обернуться государственным переворотом. Тогда в конфликте с автономистами, вспыхнувшем в восточных департаментах (о котором речь уже шла выше), военные встали на сторону правительства. Благодаря позиции высшего командования ВС Боливии, а также широкому международному и региональному резонансу (при активном содействии UNASUR¹⁸) конфликт был нейтрализован).

Союзнические отношения MAS с военными выстраивались не напрямую, а через предоставление различных привилегий, льгот и уступок [Frenkel, Stola, 2011], в том числе за счет масштабных государственных инвестиций в технологическое обновление и модернизацию вооруженных сил. Позднее, во время второго прези-

¹⁸ Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR).

дентского срока, правительство инициировало принятие широкого законодательного пакета в области обороны и безопасности, направленного на расширение функций силовиков, тем самым переведя неформальное партнерство в институциональное русло. Тот факт, что власти «спустили на тормозах» расследование преступлений, совершенных военными ведомствами в период диктатур, при том что военное руководство отказалось рассекретивать архивы тех времен, можно рассматривать как еще одну уступку в обмен на лояльность. [Frenkel, Stola, 2011].

Постепенно роль вооруженных сил как актора в процессе реформ возрастала, распространяясь на все аспекты жизни общества и действия властей. Так, военные обеспечивали национализацию углеводородов в мае 2006 г. Правительство привлекало армейские подразделения в качестве инструмента обеспечения социальных гарантий, объясняя это тем, что они являются практически единственными представителями государственной власти, присутствующими на всей территории Боливии, включая отдаленные сельские и горные районы. В частности, армия была задействована в распределении денежных пособий, таких как «бонус Хуансито Пинто» (выплачиваемый семьям, чьи дети должны учиться в школе, в целях преодоления проблемы детского труда), — одной из флагманских мер правительства. Военнослужащие также активно участвовали в социальных кампаниях по оказанию медицинской помощи, вакцинации, ликвидации неграмотности, строительству дорог и в других гражданских работах [Frenkel, Stola, 2011].

Успех такого альянса гарантировал стабильность режима, но и нес определенные риски, которые заключались в усилении влияния вооруженных сил на разных уровнях гражданского общества, укреплении их политической власти и возрождении представлений о собственной исторической и мессианской роли, характерной для Латинской Америки XX в. Не только в Боливии, но и в других странах региона, таких как Бразилия, Чили, Венесуэла, вооруженные силы вернули свое общественное значение, отчасти в результате действий самих гражданских лидеров, которые рассчитывали тем самым обеспечить поддержку своих политических проектов. Сказалось также отсутствие институциональных основ по осуществлению гражданского контроля над военным аппаратом. Восстановление утраченных позиций вернуло армии традиционное «право вето». Поддерживая правительство

или предлагая ему уйти, военные снова обрели способность, которую ряд исследователей называют «модерирующей силой»¹⁹, что потенциально создавало новые вызовы для боливийской и латиноамериканской демократии.

* * *

Протестная волна 2019 г. показала, что почти каждое государство в Латинской Америке имеет дело с собственным внутренним кризисом. Боливия смогла избежать социально-политического хаоса: страну возглавила временный президент, возобновил работу парламент, в котором две трети мест сохранили представители партии MAS. Боливийское общество сумело прийти к необходимому консенсусу, чтобы остановить насилие и перевести народный бунт в русло диалога и демократии, поставив перед будущим руководством страны непростую задачу объединить поляризованное население и предложить политический проект развития, который бы устраивал все стороны конфликта.

Политические преобразования Э. Моралеса означали новый виток в общественно-политическом развитии и перестройку государственной системы. Курс на интеграцию и модернизацию страны обеспечивался за счет статуса-кво между элитами, государственного инвестирования и реализации крупных инфраструктурных проектов при сохранявшейся зависимости от эксплуатации природных ресурсов, что вызывало неоднозначный отклик у населения, разделяющего ценности и принципы, традиционные для индейской культуры. Прогресс в экономическом развитии и социальные достижения правительства MAS не компенсировали наличия глубоких внутренних противоречий и конфликтов. Предпринятых шагов было недостаточно, чтобы нивелировать риски поляризации и радикализации в многосоставном и разделенном обществе. В результате этого сложный баланс между различными группами интересов, благодаря которому достигалась устойчивость режима, был нарушен, что повлекло трансформацию всей системы.

Преодоление этих вызовов станет необходимым условием для работы следующего правительства Боливии. По-видимому, дальнейшее укрепление экономической стабильности и расширение инклюзивных социальных мер в сочетании с консенсусной политикой

¹⁹Malamud A., Marsteintredet L. Bolivia y democracias interrumpidas // El Pais. 13.11.2019. Available at: <http://agendapublica.elpais.com/golpeada-pero-de-pic-el-futuro-de-la-democracia-en-america-latina/> (accessed 20.02.2020).

в культурно-ценностном пространстве будут сохранять первостепенное значение на пути государственного развития и недопущения кризисного уровня поляризации. Независимо от исхода повторных выборов для консолидации боливийского общества потребуется гораздо больше времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротникова Т.А. Левая политическая мысль в современной Боливии // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2019. Т. 1. № 23. С. 185–199. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199.
2. Воротникова Т.А. Политические конфликты в мультиэтническом обществе: созидательный потенциал и риски поляризации для Боливии // *PolitBook*. 2019. № 1. С. 169–180.
3. Ивановский З.В. Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры: Справочник. М.: ИЛА РАН, 2014.
4. История Боливии с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред. Е.А. Ларин, А.А. Щелчков. М.: Наука, 2015.
5. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // *Политическая наука*. 2016. № 1. С. 15–33.
6. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.
7. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2017.
8. Чернышов А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // *Латинская Америка*. 2020. № 1. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0.
9. Шинкаренко А.А. Экологический активизм в Латинской Америке: к вопросу о некоторых категориях // *Русская политология*. 2019. № 4 (13). С. 30–37.
10. Щелчков А.А. Кризис латиноамериканских левых режимов: боливийская драма // *Свободная мысль*. 2020. № 1. С. 93–106.
11. Щелчков А.А. Левая альтернатива неолиберализму. Культурная и демократическая революция в Боливии в начале XXI века // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. № 17S. С. 192–240.
12. Щелчков А.А. Революция под знаменем Пачамамы. Боливия в начале XXI века // *Новая и новейшая история*. 2016. № 5. С. 119–137.
13. Arauz A., Weisbrot M., Bunker A., Johnston J. Bolivia's economic transformation: Macroeconomic policies, institutional changes, and results. Washington: Center for Economic and Policy Research, 2019.
14. Centellas M. Bolivia in 2017: Headed into uncertainty // *Revista de ciencia política*. 2018. Vol. 38. No. 2. P. 155–179. DOI: 10.4067/s0718-090x2018000200155.

15. Driscoll A. Bolivia's 'democracy in transition': More questions than answers in 2016 // *Revista de ciencia política*. 2017. Vol. 37. No. 2. P. 255–279. DOI: 10.4067/s0718-090x2017000200255.
16. Espinosa Molina F. Bolivia: La circulación de sus élites (2006–2014). Santa Cruz de la Sierra: El País, 2015.
17. Frenkel A., Stola I. La alianza del gobierno de Evo Morales y las Fuerzas Armadas en el proceso de transformación del Estado boliviano // *Revista perspectivas de políticas públicas*. 2011. No. 1. P. 161–179.
18. García Linera A. La potencia plebeya: acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. Compilador Pablo Stefanoni. Bogotá: Siglo del Hombre Editores y Clacso, 2009.
19. García Linera A. Las tensiones creativas de la Revolución. La quinta fase del Proceso de Cambio. LaPaz, 2013.
20. García Montero M., Sánchez F. Los ciclos políticos y económicos de América Latina y el boom de las materias primas. Madrid: Tecnos, 2019.
21. Gigler B.S. Poverty, inequality and human development of indigenous peoples in Bolivia. Working Paper Series. No. 17. Georgetown University, 2009. DOI: 10.1596/978-1-4648-0420-5.
22. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, disgregación y clivajes étnicos // *Política y gobierno*. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 65–100.
23. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // *Journal of Democracy*. 2014. Vol. 25. No. 2. P. 5–20.
24. Lalander R. Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: Consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador // *Revista chilena de derecho y ciencia política*. 2015. Vol. 6. No. 1. P. 109–152.
25. Lalander R. Indigeneidad, descolonización y la paradoja del desarrollismo extractivista en el Estado Plurinacional de Bolivia // *Revista chilena de derecho y ciencia política*. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 47–81.
26. Larraín Landaeta H.M. La democracia consociativa como régimen político para Bolivia // *Revista política y estrategia*. 2007. No. 105. P. 111–127.
27. Makaran-Kubis G. El nacionalismo étnico en los Andes: el caso de los aymaras bolivianos // *Latinoamérica*. 2009. No. 49. P. 35–78.
28. Montaña Nogales H.E. La democracia posible en Bolivia (2000–2009) // *Revista ciencia y cultura*. 2011. No. 26. P. 7–32.
29. Wolff J. Business power and the politics of postneoliberalism: Relations between governments and economic elites in Bolivia and Ecuador // *Latin American Politics and Society*. 2016. Vol. 58. Iss. 2. P. 124–147. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2016.00313.x.
30. Wolff J. The political economy of Bolivia's post-neoliberalism: Policies, elites and the MAS government // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. 2019. No. 108. P. 109–129. DOI: 10.32992/ERLACS.10468.

T.A. Vorotnikova

**BOLIVIA AT A CROSSROADS:
IS CONSOLIDATION OF A ‘DIVIDED SOCIETY’
FEASIBLE?**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

A protest wave which began in 2019 has swept across many Latin American countries. The Multinational State of Bolivia, where rapid destabilization of political situation has led to a serious internal crisis, was no exception. The paper examines the prospects for conflict resolution in Bolivia through the lens of the ‘divided society’ concept. The first section identifies the key fault lines in Bolivia including ethnic, cultural, and civilizational differences, economic disproportions, and high levels of social and political polarization. The author shows how the regime of Evo Morales managed to reach an internal balance and maintain it for quite a long time through complex balancing, concessions, and compromises. The second section identifies the causes behind the 2019 crisis. These include miscalculations of the government which has revealed general instability of the country’s political system and threatened to erode democratic institutions; changes in electoral behavior of the population; the increasing role of the armed forces. The author links the possibilities to overcome these challenges faced by Bolivia with the expansion of the social protection in conjunction with the principle of consociationalism, but stresses that even so the consolidation of the Bolivian society will be a time-consuming process.

Keywords: Bolivia, divided society, protest wave, Evo Morales, political regime, polarization, consociationalism.

About the author: *Tatiana A. Vorotnikova* — PhD (Political Science), Academic Secretary of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: vorotnikovat@yandex.ru).

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 18-014-00042.

REFERENCES

1. Vorotnikova T.A. 2019a. Levaya politicheskaya mysl’ v sovremennoi Bolivii [Left political thought in modern Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, vol. 1, no. 23, pp. 185–199. DOI: 10.32608/2305-8773-2019-23-1-185-199. (In Russ.)

2. Vorotnikova T.A. 2019b. Politicheskie konflikty v mul'tietnicheskom obshchestve: sozidatel'nii potentsial i riski polyarizatsii dlya Bolivii [Political conflicts in a multi-ethnic society: Creative potential and new risks for Bolivia]. *PolitBook*, no. 1, pp. 169–180. (In Russ.)

3. Iwanowski Z.W. 2014. *Latinskaya Amerika: elektoral'noe zakonodatel'stvo i vlastnye struktury* [Latin America: Electoral legislation and the power structures]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

4. *Istoriya Bolivii s drevneishikh vremen do nachala XXI veka* [History of Bolivia from ancient times to the beginning of the XXI century]. 2015. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

5. Kudryashova I.V. 2016. Kak obustroit' razdelennyye obshchestva [How to accomplish stability in divided societies]. *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 15–33. (In Russ.)

6. Lijphart A. 1977. *Democracy in plural societies: A comparative exploration*. New Haven, Yale University Press [Russ. ed.: Leipkhart A. 1997. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie*. Moscow, Aspekt Press Publ.].

7. Iwanowski Z.W. (ed.). 2017. *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

8. Chernyshov A.L. 2020. Postelektoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ.)

9. Shinkarenko A.A. 2019. Ekologicheskii aktivizm v Latinskoj Amerike: k voprosu o nekotorykh kategoriakh [Environmental activism in Latin America: On certain categories]. *Russkaya politologiya*, no. 4 (13), pp. 30–37. (In Russ.)

10. Shchelchkov A.A. 2020. Krizis latinoamerikanskikh levyykh rezhimov: boliviiskaya drama [The crisis of Latin American leftist regimes: Bolivian drama]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1, pp. 93–106. (In Russ.)

11. Shchelchkov A.A. 2016a. Levaya al'ternativa neoliberalizmu. Kul'turnaya i demokraticeskaya revolyutsiya v Bolivii v nachale XXI veka [The left alternative to neoliberalism. The cultural and democratic revolution in Bolivia]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 17S, pp. 192–240. (In Russ.)

12. Shchelchkov A.A. 2016b. Revolyutsiya pod znamenem Pachamamy. Boliviya v nachale XXI veka [Revolution under Pachamama's banner. Bolivia at the beginning of the 21st century]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 119–137. (In Russ.)

13. Arauz A., Weisbrot M., Bunker A., Johnston J. 2019. *Bolivia's economic transformation: Macroeconomic policies, institutional changes, and results*. Washington, Center for Economic and Policy Research.

14. Centellas M. 2018. Bolivia in 2017: Headed into uncertainty. *Revista de ciencia politica*, vol. 38, no. 2, pp. 155–179. DOI: 10.4067/s0718-090x2018000200155.

15. Driscoll A. 2017. Bolivia's 'democracy in transition': More questions than answers in 2016. *Revista de ciencia política*, vol. 37, no. 2, pp. 255–279. DOI: 10.4067/s0718-090x2017000200255.
16. Espinosa Molina F. 2015. *Bolivia: La circulación de sus élites (2006–2014)*. Santa Cruz de la Sierra, El País.
17. Frenkel A., Stola I. 2011. La alianza del gobierno de Evo Morales y las Fuerzas Armadas en el proceso de transformación del Estado boliviano. *Revista perspectivas de políticas públicas*, no. 1, pp. 161–179.
18. García Linera A. 2009. *La potencia plebeya: acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia*. Bogotá, Siglo del Hombre Editores y Clacso.
19. García Linera A. 2013. *Las tensiones creativas de la Revolución. La quinta fase del Proceso de Cambio*. LaPaz.
20. García Montero M., Sánchez F. 2019. *Los ciclos políticos y económicos de América Latina y el boom de las materias primas*. Madrid, Tecnos.
21. Gigler B.S. 2009. *Poverty, inequality and human development of indigenous peoples in Bolivia*. Working Paper Series. No. 17. Georgetown University. DOI: 10.1596/978-1-4648-0420-5.
22. Guzmán Prudencio G., Rodríguez-López F. 2018. Voto étnico en Bolivia. Cohesión, segregación y clivajes étnicos. *Política y gobierno*, vol. 25, no. 1, pp. 65–100.
23. Horowitz D.L. 2014. Ethnic power sharing: Three big problems. *Journal of Democracy*, vol. 25, no. 2, pp. 5–20.
24. Lalander R. 2015. Entre el ecocentrismo y el pragmatismo ambiental: consideraciones inductivas sobre desarrollo, extractivismo y los derechos de la naturaleza en Bolivia y Ecuador. *Revista chilena de derecho y ciencia política*, vol. 6, no. 1, pp. 109–152.
25. Lalander R. 2017. Indigeneidad, descolonización y la paradoja del desarrollismo extractivista en el Estado Plurinacional de Bolivia. *Revista chilena de derecho y ciencia política*, vol. 8, no. 1, pp. 47–81.
26. Larraín Landaeta H.M. 2007. La democracia consociativa como régimen político para Bolivia. *Revista política y estrategia*, no. 105, pp. 111–127.
27. Makaran-Kubis G. 2009. El nacionalismo étnico en los Andes: el caso de los aymaras bolivianos. *Latinoamérica*, no. 49, pp. 35–78.
28. Montaña Nogales H.E. 2011. La democracia posible en Bolivia (2000–2009). *Revista ciencia y cultura*, no. 26, pp. 7–32.
29. Wolff J. 2016. Business power and the politics of postneoliberalism: Relations between governments and economic elites in Bolivia and Ecuador. *Latin American Politics and Society*, vol. 58, iss. 2, pp. 124–147. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2016.00313.x.
30. Wolff J. 2019. The political economy of Bolivia's post-neoliberalism: Policies, elites and the MAS government. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, no. 108, pp. 109–129. DOI: 10.32992/ERLACS.10468.